

В этом выпуске:

Память сердца.....1

Прошлое совсем
рядом5

Больно.....9

Оборотное зелье

11

Память сердца

Старые фотографии... Черно-белые снимки, пожелтевшие от времени. Почему так хочется взять их в руки, узнать их историю? Внимательно вглядываешься в лица, изображенные на ней – светлые и открытые. Это люди другой эпохи, не похожие на современных. Они жили в страшное время, о котором мы знаем только понаслышке.

Им пришлось пройти через страшную войну 1941-1945. Среди них мой прадедушка. К сожалению, мне не пришлось с ним встретиться, но я знаю, что он настоящий герой, который сделал все, чтобы его внуки и правнуки жили под мирным небом.

Однажды мама положила передо мной фотографию:

– Это твой прадедушка Кислицын Дмитрий Иванович.

Со старого потертого снимка смотрит на меня мужчина в военной форме, серьезное лицо, открытый взгляд, а на груди медали.

– Мама, что за награды? – спросила я.

И вот передо мной на столе появилась старая шкатулка, а в ней самая большая ценность нашей семьи: Орден Красной Звезды, «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу на Германией», «30 лет Советской армии».

Мама села рядом со мной и наблюдала, как я с интересом рассматривала содержимое шкатулки, потом заглянула мне в глаза и сказала:

– Девочка моя, ты стала совсем большой, и пришло время рассказать тебе эту историю – историю твоей семьи, которую ты потом передашь своим детям и внукам.

Рассказ мамы постаралась запомнить в мельчайших подробностях, хочу рассказать его всем, чтобы знали и помнили.

Кислицын Дмитрий Иванович был призван в Красную Армию в возрасте 30 лет в декабре 1941 года и направлен в отдельный батальон связи г. Славгород Алтайского края, где принял телефонный взвод. Он принимал участие в боевых действиях советских войск Западного фронта в составе разных подразделений 108 стрелковой дивизии с лета 1942 года.

С апреля 1942 года по февраль 1943 года 108 стрелковая дивизия, которая считалась одной из лучших, входящих в 5-ю Армию Западно-

го фронта, занимала оборону в районе Гжатска. В июле–сентябре 1942 года в составе 407 стрелкового полка участвовал в боях под Гжатском в ходе Ржевско–Сычевской операции.

Прифронтовые газеты 1942 года бои в районе Ржева по накалу ожесточенности, по потерям сравнивали с боями в Сталинграде.

И.Эренбург, бывавший в Ржеве в сентябре 1942 года, писал позднее в своих воспоминаниях, используя фронтовые репортажи: «Мне не удалось побывать у Сталинграда... Но Ржева я не забуду. Может быть, были наступления, стоившие больше человеческих жизней, но не было кажется другого столь печального – неделями шли бои за пять – шесть обломанных деревьев, за стенку разбитого дома, за крохотный бугорок...».

Во время проведения Ржевско–Сычевской операции Кислицын Дмитрий Иванович был командиром взвода связи 3 стрелкового батальона 539 стрелкового полка. Задачей его взвода было обеспечение телефонной связью подразделений батальона с командиром батальона, а также с командованием 539 стрелкового полка, а также с взаимодействующими боевыми частями и подразделениями 108 стрелковой дивизии.

В условиях подготовки наступательной операции необходимо было предусмотреть перемещение командных пунктов батальона в ходе наступательной операции от одного места к другому и организовать из них связь командира батальона с вышестоящим командованием.

Для этого нужно было накануне боевых действий изучить местность в районе продвижения подразделений батальона и определить места размещения командного пункта связью. От поддержания надежной и постоянной связи в боевых условиях во многом зависел успех боевых действий.

Чтобы решать такие задачи, командиру взвода связи приходилось выдвигаться совместно с начальником штаба батальона на передний край оборонительных сооружений для проведения рекогносцировки местности.

В один из таких выходов начальником штаба батальона было принято решение выдвинуться на точку, которая находилась на нейтральной полосе, между окопами наших солдат и окопами немцев.

Д.И.Кислицын с начальником штаба батальона и одним солдатом–связистом до рассвета смогли скрытно выдвинуться в заданный район. Начальником штаба батальона с указанного места были определены направления движения подразделений батальона и отданы распоряжения командиру взвода связи относительно размещения командных пунктов и узла связи батальона, что документировалось на топографических картах.

Через некоторое время рекогносцировочная группа была обнаружена немецкими солдатами, и по ней был открыт огонь из стрелкового оружия и минометов. Начальник штаба отдал приказ рекогносцировочной группе возвращаться короткими перебежками к своим окопам. Группа по одному, используя в качестве укрытий воронки от мин, стала передвигаться в сторону своих окопов. Когда прибыли в свои окопы, начальником штаба батальона было обнаружено отсутствие командирской сумки, в которой находились карта и схема наступательной операции. Так как было опасение, что документы могут попасть к врагу, начальником штаба было принято решение направить в точку рекогносцировки Кислицына Д.И. вместе с солдатом–связистом для поиска и возвращения командирской сумки.

Приказ нужно было срочно выполнять. Дмитрий Иванович с подчиненным под прикрытием

стрелкового оружия и огня минометов наших солдат, короткими перебежками с использованием воронок от мин в качестве укрытий выдвинулся на поиск командирской сумки. Противник тоже обнаружил движение нашей группы и усилил огонь со своей стороны.

Дмитрий Иванович от укрытия к укрытию двигался первым. За ним, в те же укрытия перемещался и солдат-связист. Передвижение было удачным, и уже минут через 20 они достигли точки, откуда осуществляли рекогносцировку.

Немцы побоялись приблизиться к этому месту в светлое время суток, поэтому командирская сумка с документами им не досталась. После обнаружения командирской сумки нужно было возвращаться обратно. Однако немцы почуяли что-то неладное и вновь усилили обстрел данной точки из стрелкового оружия и минометов.

Нужно было срочно возвращаться к своим. Можно было рассчитывать только на удачу и на то, что снаряд не попадет дважды в одну и ту же воронку. Дмитрий Иванович с солдатом снова короткими перебежками от одной воронки к другой, укрываясь от стрелкового огня и разрывов мин, смогли вернуться к своим окопам живыми и здоровыми.

Таким образом, Дмитрий Иванович смог выполнить боевую задачу по спасению важных документов, которые могли попасть к врагу, а также сохранить жизнь солдату

В этой ситуации Дмитрий Иванович понял, что при выполнении боевого задания, в условиях опасности, нужно быть хладнокровным, не поддаваться страху и панике, и только так возможно остаться в живых, как гласит русская пословица, смелого пуля боится. И в последующих опасных ситуациях он старался быть хладнокровным, не поддаваться страху и панике, что позволяло выполнять поставленные задачи.

В марте 1943 года 108 стрелковая дивизия вошла в состав 10-й Армии для участия в Ржевско-Вяземской наступательной операции (2-23 марта 1943 года), ведя упорные бои по овладению Крестьянской горы (Крестовой горы).

С мая 1943 года в период к подготовке новой наступательной операции 108 стрелковая дивизия занимала армейскую полосу, обеспечивая подготовку к наступлению остальных дивизий и армий.

В ночь с 9 на 10 июля 1943 года подразделения 11 и 83 гвардейских стрелковых дивизий сменили на переднем крае подразделения 108 стрелковой дивизии, готовясь к наступательной операции.

После короткой передышки и пополнения запасов 108 стрелковая дивизия была введена для усиления наступательного прорыва. 17 июля 1943 года части дивизии на рубеже Долбилово – Руднево (15 км. Южнее г. Орел) перерезали шоссе Болхов-Знаменское, тем самым создали угрозу окружения болховской группировке противника. Желая облегчить положение своих войск, немецкое командование нанесло по боевым порядкам дивизии авиационный удар силами в 1200 самолетов-вылетов, а затем в течение 3-х суток силами двух дивизий при поддержке 100 танков и авиации пытались сбить части 108 стрелковой дивизии с шоссе, однако дивизия выстояла.

В боях 17-19 июля 1943 года ее потери составили около 3000 человек, противник потерял около 7000 человек и 37 танков. За эти бои дивизия была награждена орденом Красного знамени.

Кислицын Д.И. в июле 1943 года при участии в боях под городом Болхов Орловской области получил ранение в правую ногу осколком вражеской мины и был направлен на лечение в прифронт-

ронтовую полосу.

После выздоровления направлен 27 сентября 1943 года в Калугу в запасной полк связи Западного фронта, в котором пробыл до первого февраля 1944 года.

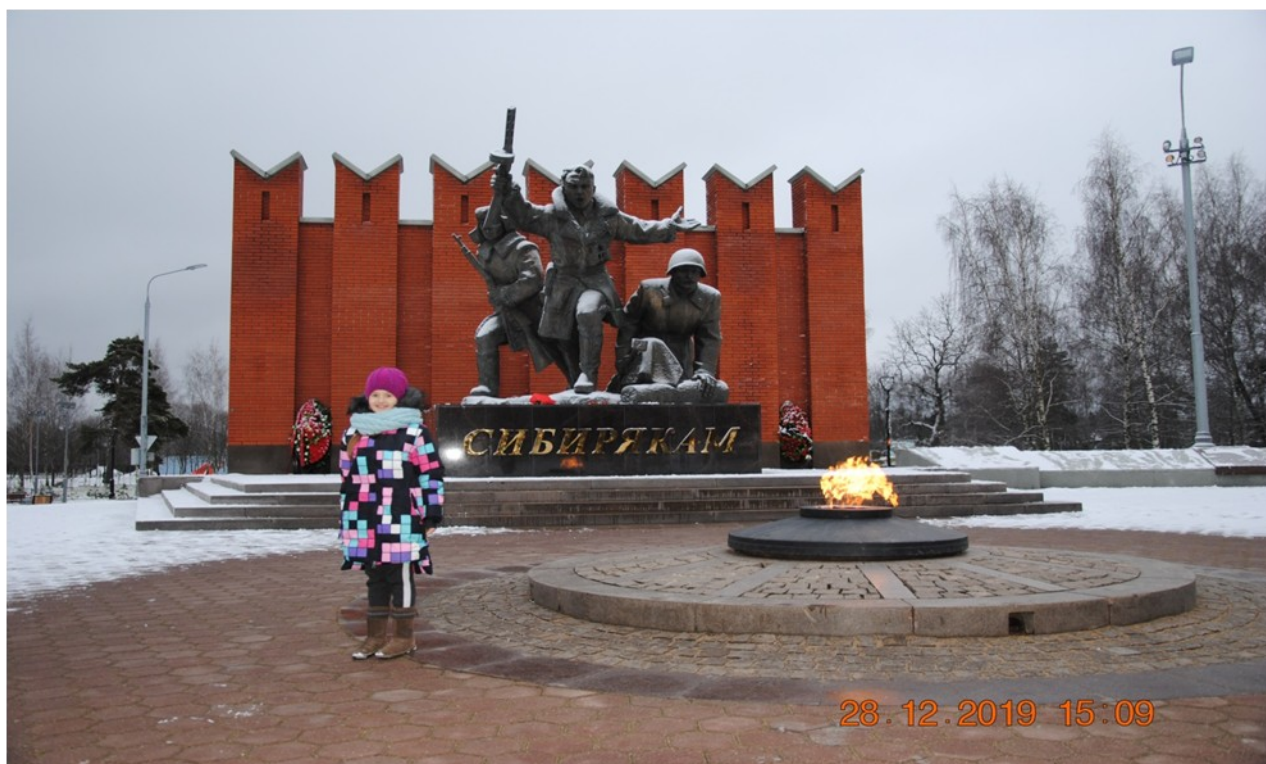
14 февраля 1944 года принял взвод СТ-35 и проработал до апреля месяца. С апреля по декабрь 1944 года исполнял обязанности командира 2-ой телеграфной роты 38 ОПС. С декабря 1944 года назначен старшим техником телеграфа, исполнял обязанности начальника смены телеграфа 1-го белорусского фронта, а с сентября 1945 года работал начальником смены Междугородней телефонной станции СВАГ. Принимал участие в освобождении Белоруссии, Польши и разгрома фашистского Логова, форсировал Днепр, Буг, Вислу, Одер и штурм Берлина. Весь этот путь прошел в составе 1-го Белорусского фронта, с 29-го апреля до дня Победы был уже в Берлине.

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршалом Советского Союза Сталиным от 10 августа 1944 года объявлена благодарность за освобождение г. Брест в составе 38 ОПС, а также от 19-го февраля 1945 г. за освобождение городов Томашув и Лодзь.

Вот история моего прадедушки, рассказанная мамой.

Снова смотрю на его фотографию и вижу перед собой не обычного человека, а настоящего героя. Героя великой войны. Это он, как и сотни тысяч других солдат, освободил нашу землю от фашистов и дошел до Берлина. Теперь шкатулка с наградами стоит на полке в моей комнате, а фотография в рамке – на моем письменном столе. Хранить память о войне и ее героях предстоит мне, а потом моим детям.

Данильченко Диана, 5Б

ПРОШЛОЕ СОВСЕМ РЯДОМ

*Тот, кто любит, должен разделять
участь того, кого он любит.*

Михаил Булгаков

За окном небесное полотно с сияющими осколками далёких звёзд, таинственное полнолуние, окутанное пеленой бело-серого тумана. Анастасия вышла под дождь на крыльцо дома после очередной ссоры со своим молодым человеком, думая о том, что делать дальше. Внезапный порыв сильного неуютного ветра заставил девушку вернуться в свою комнату. Она собиралась уже лечь в кровать, но на её смартфон пришло сообщение.

«Неужели, он решил помириться?» – подумала она и взяла телефон в руки. Когда она увидела сообщение, на неё нахлынула волна боли и возмущения. С бурей эмоций Анастасия, не отдавая отчет своим действиям, поднялась на давно забытый чердак, где остался только стеллаж со старыми книгами и коробки никому ненужных вещей. Она сползла по стене на пол и несколько минут смотрела в одну точку, пока её сердце разбивалось на миллионы маленьких кусочков. Подняв голову, девушка увидела книгу, которая была абсолютно не похожа на все остальные. Казалось, что это был альбом или даже чей-то дневник. Она взяла неизвестный сборник, сдула с него пыль и прочитала название: «Дневник Аннушки Егоровой. 1942–1945». Анастасия открыла первую страницу.

17 марта 1942 года Сегодня пришло подтверждение о добровольном согласии отправляться на фронт. Я медсестра и должна оказывать помощь раненым солдатам. Мама слёзно умоляет меня остаться дома и просто ждать, но я сквозь страх понимаю, что это мой долг – помогать Родине. Таня и Варя уже окончили курсы медсестер и месяц как на фронте. Я тоже собрала вещи, завтра выезжаем. Обещаю своей любимой маменьке, что вернусь домой вместе с Победой.

18 марта 1942 года Добираемся в поезде, едем на фронт. Было много слез на вокзале, тяжело прощаться... Мама боится, что больше не увидимся. За окном мелькают поля, леса, деревеньки. Так все тихо и безмятежно. Что ждет нас впереди? Война, взрывы снарядов, горящие танки... Страшно представить, сколько людей уже погибло за это время. Познакомилась в поезде с двумя девушками, они тоже медсестры. Дали обещание держаться вместе.

4 апреля 1942 года Сегодня привезли немало раненых, среди них много тяжелых. Не хватает бинтов. Стараемся не унывать. По ночам мы с девочками

вспоминаем о доме. Вчера отправила письмо маме, жду весточку от неё, надеюсь, с ней дома всё в порядке.

24 апреля 1942 года Из-за сильных обстрелов нас переправили в другое место. Меня перевели на службу в 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Времени на записи почти нет, поэтому пишу очень редко. Сердце болит за тех, кто погиб в этой кровавой переделке. На моих глазах умирающий солдат на последнем издыхании произнес: «Товарищи, родные, не падайте духом и не дайте фашистам завоевать нашу землю».

12 мая 1942 года Дошли вести о том, что маршал Тимошенко предпринял Харьковскую операцию с целью освободить Харьков и одновременно прорвать фронт, чтоб остановить и предупредить германское наступление. Внутри тревога, хочется, чтоб поскорее всё это закончилось.

22 мая 1942 года Про маршала Тимошенко не говорят ни слова, только что бои там страшные. Мы с Катериной и Татьяной не выходим из госпиталя. Николай Трофимыч не спал несколько суток, оперировал тяжелых один за другим, потом сел на стул и уснул, даже не снял халат и перчатки. Раненых много. Солдатики наши родненькие, только бы выжили... Сегодня приехали в госпиталь артисты. Это целое событие! Пели песни, читали стихи. Как нужны нам на фронте такие маленькие праздники, чтоб дух наш русский поддержать, чтобы верить, что все это не случайно. Мы сдаваться не собираемся!

29 мая 1942 года Сегодня сообщили ужасные новости. Уничтожили крупные силы нашей армии, под Харьковом вся оборона советских войск в полосе Южного и Юго-Западного фронтов ослабела. Что же будет дальше?

5 июня 1942 года Бойцы наши сегодня вернулись из разведки. Говорят, наступать будем послезавтра в полдень. В госпитале спокойно, многие идут на поправку. Все уже такие родные, очень тяжело даются потери.

7 июня 1942 года. Через пару часов будем наступать. Все усердно готовятся: мы собрали в санитарные сумки всё самое необходимое, чтоб быть готовыми ко всему, бойцы ждут команды генерал-майора.

8 июня 1942 года Наступление прошло успешно, раненых было меньше, чем обычно, потерь ещё меньше. Мы одержали для себя маленькую победу. Ура!

После этой записи всё оборвалось, и Анастасия подумала, что больше Аннушка не писала этот дневник, но, пролистнув несколько страниц, она увидела исписанные листы и продолжила его читать.

9 августа 1942 года Я уж было думала, что потеряла свой дневник навсегда, но спустя месяц нашла его в давно забытой санитарной сумке. За это время произошло много событий: и радостных, и грустных, и страшных. Мы потеряли нескольких человек из дивизии, у них были слишком сильные ранения. Сейчас же начались тяжелые оборонительные бои.

17 августа 1942 года Сегодня к нам привезли раненых бойцов, один из которых

был весь в бинтах. Не было видно даже лица. Сказали, что многочисленные оскольчатые ранения. Чудом остался жив. Видны только глаза, такие глубокие, зеленоватого цвета, а в них такая боль... Он только тихо постанывал, но ни на что не жаловался. Зовут его Александр Фёдоров. Почему-то из всех солдат, именно он показался мне очень родным. После его взгляда у меня будто внутри всё перевернулось.

3 сентября 1942 года Сегодня Александру стало гораздо лучше, и мы с Катериной сняли бинты. На лице остались шрамы. Это ничего, главное – жив. Он уже самостоятельно встает и на костылях может передвигаться по палате, но еще предстоит операция на ноге. Катя сказала, что у меня к нему особое отношение и я уделяю ему больше внимания, чем другим. Не замечала этого...

20 сентября 1942 года Военные действия становятся всё тяжелее, и на записи не остаётся сил. Александр самостоятельно передвигается по палате. Сегодня он даже принес мне букет почти засохших полевых цветов. Говорит, мол, последние тёплые деньки, хотел порадовать в такое сложное время. Это было волшебно! Ближе к вечеру, пока было тихо в госпитале, мы вместе пошли на холм полюбоваться закатом. В лучах алого солнца он сказал: «Сестричка, Аннушка моя, хочу быть рядом с тобой, идти через огонь и воду, люблю тебя, душа моя, так будь со мной такую невзгуду?» Прямо стихи какие-то получились. Так трогательно... Никто раньше мне не говорил таких слов. Меня переполняли прекрасные чувства, и я согласилась быть с ним до конца. После этого мы ещё долго любовались солнцем, которое уходило за горизонт. На душе было тепло от любви, но немногострашно оттого, что в один миг война может разрушить все, что у нас есть – наши души, наши чувства...

Декабрь 1942 года. Постепенно начинаются холода, но меня греет его любовь. Любовь на войне – это страшно и смело одновременно. Допустим, сегодня ты любишь человека, а завтра его уже нет с тобой рядом. Я не хочу даже думать об этом, но война не даёт мне покоя. Александр стал мне очень близок, мы дополняем друг друга и не дадим друг другу сдаться.

Январь 1943 года. Два дня назад моего Сашеньку отправили на задание. Он поцеловал меня на прощанье и пообещал, что вернётся живым. Только бы вернулся! Сегодня привезли много раненых, вытаскивали из окопов после атаки немцев. Много тяжелых, работаем день и ночь. Трофимыч опять не спит несколько дней, иногда только нервно курит. Смотрю на израненных молоденьких ребят, вчерашних мальчишек, и думаю про Сашеньку. Где они сейчас? Вернется ли живым? Катя говорит, что надо сильно верить. И я верю.

Февраль 1943 года. Прошёл месяц после разлуки с моим любимым. Ни писем от него, ни вестей... Порою сны снятся страшные. Катерина со Светланой поддерживают, как могут. Я искренне верю, что у него всё хорошо, что он жив и не в плену у фашистов. Когда удаётся поспать, я представляю, что он рядом, вижу его красивые бездонные глаза, в которых словно отражается зелёная поляна, его тёмные волосы,

которые я совсем недавно гладила рукой... Все очень устали от этой войны, у нас не хватает лекарств и продовольствия. Скоро перебросят в другое место. Тёплые дни наступят ещё очень не скоро.

8 марта 1943 года. Проснулась от взрывов. Раненых много. Возможно, это моя последняя запись. Если кто-то найдёт этот дневник, передайте его Александру Фёдоровичу, с любовью от Аннушки Егоровой.

Анастасия заметила, что это была последняя запись.

«Как же так? Неужели они так и не встретились после стольких испытаний?» – подумала она и стала дожидаться утра, чтоб спросить у мамы, чем всё закончилось.

Когда девушка увидела первые лучи солнца, она сразу же побежала к комнате:

– Мама, мама, я нашла на чердаке дневник своей прабабушки, но последняя запись датирована 8 марта 1943 года. Ты знаешь, что произошло потом?

– Конечно, знаю, дочка.

Глаза удочери горели, и она с нетерпением ждала, когда мама начёт рассказ:

– Дневник был утерян в далёком 1943 году, но сотрудники нашего краеведческого музея нашли его пару лет назад и чудным образом вернули мне. Моя бабушка, то есть Аннушка Егорова, рассказывала нам с братом, что же было после того, как она потеряла свою книжку. Когда Аннушка поняла, что дневника нет в её санитарной сумке, то подумала, что когда-то его обязательно найдет Александр и они снова будут вместе. Она ждала месяц, два, три и уж было отчаялась, так как война – дело страшное, многое, что могло произойти, но в один из дней, когда она перевязывала раненных, к ней сзади кто-то подошел и закрыл глаза руками. Аннушка моментально узнала его, слёзы счастья полились у обоих. Для них это был самый лучший день их жизни. До конца войны они были неразлучны и все трудности проходили вместе. В последние годы войны были ожесточённые бои, и Александра сильно ранили, Анна оказалась рядом. Она буквально на руках вынесла его с поля боя. После окончания войны они сыграли свадьбу и были счастливы. У них родилось трое детей. Александр Федорович – твой прадедушка.

Анастасия была потрясена этим рассказом и задумалась о своей любви:

«Стоит ли мне сейчас бороться за этого человека, который вовсе не ценит меня? Настоящему любящий мужчина никогда не допустит, чтобы его любимая страдала, он не будет думать только о себе, ведь это эгоизм, который убивает все самое светлое и высокое. Может, этот человек вовсе не моя судьба?»

После этих мыслей Настя пошла в свою спальню и легла в кровать, ведь ночь оказалась бессонной. Она уснула крепким сном, и улыбка много раз появлялась на ее лице. С пробуждением она поняла, что в ее жизни началась новая страница и ей больше не хочет жить прошлым, она обязательно встретит свою настоящую любовь.

Соснина Анастасия, 9 А

БОЛЬНО

Май наступил стремительно, вступив свои права. Все случилось накануне великого праздника – Дня великой Победы. Стояла прекрасная погода. Солнце светило так ярко, что третьеклассница Диана зажмурила глаза, глядя на голубое небо с плывущими по нему белыми облаками. Она каталась на велосипеде с девчонками, а бабушка сидела на лавочке, читала книгу и изредка посматривала из-под очков на подрастающую внучку.

Девочка разогналась на своем новом двухколесном велосипеде, пыталась заехать на бордюр, но не удержалась и с грохотом упала на асфальт. На колготках в районе колена расплылось красное кровавое пятно, боль предательски поползла по телу, слезы подступили к горлу. Диана всхлипнула и зарыдала: «Больно....Ой, как больно!»

Бабушка поспешила к внучке: «Не плачь, детка...Эту боль можно вытерпеть. Это не страшно. Ты не представляешь, какую боль испытывал твой прадед во время войны». Диана смахнула слезу: «Как это?»

Бабушка усадила девочку на лавочку и начала свой рассказ:

«Твой прадед Гурьян Яковлевич Моисеев участвовал в битве за Днепр, которая стала одной из основных операций второй половины Великой Отечественной войны. Она длилась с 26 августа по 23 декабря 1943 года, более четырех. Во время одного из боевых сражений он был серьезно ранен. Гурьян воевал в артиллерии. Случилось это так: рядом с ним разорвался снаряд, и осколки от него пронзили все тело. Представь, какая это была страшная боль! В тяжелом состоянии он был доставлен в военный госпиталь, где пролежал долгих полгода. Было проведено несколько операций по извлечению осколков, но один так и не извлекли...Он находился в лобной части головы, постоянно напоминая о войне. С этим напоминанием он прошел всю войну и дожил до 76-ти лет.

К тому же во время разрыва снаряда Гурьяна контузило. Поэтому за полгода нахождения в госпитале он совсем не разговаривал. Что бы ни делали врачи, но раненый молчал и не произносил ни слова. Поэтому они решились на следующий шаг: подговорили солдат, лежащих рядом с ним в палате, чтобы кто-нибудь из них наступил ему на ногу, якобы по неосторожности.

Когда Гурьян спускался по лестнице на улицу, чтобы покурить, один солдатик так вошел в роль, что со всей дури, сбегая с лестницы, толкнул Гурьяна, наступив ему на больную ногу. Вот тут-то и произошло чудо! Молчавший

полгода Гурьян выругался от боли, да так громко, что слышал весь госпиталь. У всех врачей и больных были слезы на глазах после такого прекрасного исхода событий. Да и сам Гурьян с тех пор заговорил.

Он не любил вспоминать о войне, слишком много боли она оставила в его сердце. И эта боль живет в сердцах многих русских людей, ведь многие из них вернулись искалеченными, были замучены фашистами, испытали муки голода и холода, потеряли своих родных и близких. Эта боль ни с чем несравнима, она, как заноза, сидит в памяти народа, чтобы это никогда не повторилось».

Данильченко Диана, 5 Б

ОБОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Когда папа вернулся с работы, я играл у себя в комнате. Услышал, как он захлопнул входную дверь и сказал так громко, что я, находясь этажом выше, слышал всё так, будто он стоял прямо передо мной:

– Я дома!

Ненавижу этот голос. И ненавижу вечера, потому что по вечерам он возвращается домой. И ненавижу его.

Я знал, что он принёс с собой несколько стеклянных бутылок в пакете – никогда не понимал, чем они наполнены. Знаю только, что они из зелёного стекла и что детям к ним прикасаться запрещено. А папа, после того как выпивает эту непонятную жидкость, превращается в монстра. Он начинает громко кричать и бить по столу. Обычно, когда это происходит, мама прибегает ко мне в комнату, вся в слезах и синяках. Раньше я не понимал, откуда они берутся, но сейчас, кажется, догадываюсь. Ещё по вечерам я слышу, как бьётся посуда у нас на кухне. Поэтому каждые несколько дней маме приходится покупать несколько новых тарелок. И слышу крики.

Каждый раз, когда домой приходит папа, я прячусь куда-нибудь в надежде, что смогу укрыться от беды, хотя, наверное, уже бессмысленно на что-то надеяться. Ведь, где бы я ни прятался, он всегда меня находит. Под кроватью. В шкафу. За шторой. Все эти места давно ему известны. Из своей комнаты я стараюсь не выходить, потому что не хочу видеть его.

Папа любит прятки. А я их ненавижу.

Недавно по нашему телевизору шёл мультфильм про волшебника, который варит всякие зелья и отдаёт их людям. А когда его хижина сгорает от пламени злого дракона, те люди строят ему новое жилище, потому что когда-то он им помог.

Я смотрел этот мультфильм вместе с мамой и наконец-то понял, что каждый вечер приносит папа в этих зелёных стеклянных бутылках. Обратное зелье! Только вот работает оно как-то по-другому. Такое зелье должно превращать монстра в человека, а не наоборот. Я спросил у мамы, почему так происходит, а она сделала вид, будто не услышала мой вопрос, хотя я сразу же заметил, что глаза её заблестели. И она вытерла их рукой.

Кроме мультфильмов, других развлечений у меня нет. Разве что, я могу поговорить с друзьями – с медведем Плюшиком (когда-то так его назвала мама) и роботом Электроником. Раньше у меня было больше друзей, но всех их папа сломал или разорвал на части. Остались только эти двое. Но, несмотря на это, у первого оторваны левый глаз и правое ухо, а у второго в некоторых местах тор-

чат маленькие оголённые проводки. К ним я стараюсь не прикасаться, чтобы не удариться током.

Они разговаривают со мной по ночам, чтобы никто не мог услышать. Иначе отберут. И уничтожат.

Сейчас я лежу с ними на кровати, укрывшись одеялом, и слышу, как внизу папа говорит маме нехорошие слова. Стучит по столу. Бьёт посуду. А мама пытается его успокоить. Снова.

Я помню, как несколько недель назад пытался за неё заступиться. Потом вдруг почувствовал, как что-то тяжёлое приземлилось мне на голову. Открыв глаза, я приложил ладонь ко лбу и увидел на ней кровь. Странно, но боли я не чувствовал вообще. Некоторое время спустя я понял, что лежу на полу, а мою голову подпирает стена. Наверное, о стену я и ударился. Напротив меня стоял большой круглый стол. На нём – несколько зелёных бутылок с оборотным зельем, хлеб и суп в совсем недавно купленной тарелке.

Папа кричит на маму. А мама – на папу. И плачет.

У папы на майке были большие жёлтые пятна, которые, когда он наклонялся, будто бы тонули в складках. Да, живот у него большой. И нос тоже большой. Как у свиньи на ферме, которая постоянно ест.

В тот момент, лёжа на полу, я заметил, что у мамы поседели волосы. Интересно, почему. Вроде бы она не такая старая, как папа. Хотя у него волос вообще нет.

Я вытер кровь со лба второй рукой, а она всё никак не прекращала течь. Медленно встал и, опираясь рукой о стену из-за того, что кружилась голова, поковылял к лестнице, но остановился, услышав строгий голос папы:

– Куда пошёл, сопля!?

– Пожалуйста, не трогай ребёнка... – сказала мама дрожащим от слёз голосом и попыталась его остановить, но папа оттолкнул её в сторону. Она с грохотом упала на пол.

Как бы мне хотелось, чтобы Плюшик и Электроник стали огромными и защитили меня. Но это невозможно... Он взял ремень. Было очень больно и очень страшно. Зачем волшебник постоянно даёт моему папе оборотное зелье? Неужели он не понимает, что оно вредит людям? Не хочу верить в то, что волшебники бывают злыми. Они должны помогать.

Потом, когда папа лёг спать и громко захрапел (хотя больше его храп был похож на хрюканье свиньи), мама перевязала мне голову, но сначала полила то место, которым я ударился, чем-то шипучим. Было больно, но не настолько, как от ударов папы. Там, где он бил, у меня остались шрамы.

С тех пор за маму я больше ни разу не заступался. Да и к тому же, она сама просила этого не делать. А когда я спросил почему, не ответила. Только поцеловала меня в щеку и уложила спать. В ту ночь со мной впервые заговорили Плюшик и Элек-

троник. Они говорили мне, что на самом деле прилетели с другой планеты много лет назад, чтобы найти себе нового друга, и что наконец смогли его найти. А потом, когда придёт время, они заберут меня на ту планету. Только вот когда же это произойдёт? Я не хочу оставаться в этом доме. Мне здесь плохо... Я заберу с собой маму.

Но они просили держать это в тайне, потому что...

Узнают. Заберут. Уничтожат.

Как это произошло с кроликом Морковкой, пиратом Ленивой Бородой (я назвал его так потому, что его маленькие ручки было очень трудно поднимать и опускать, а голову – поворачивать) и резиновой уткой Кряком.

Их уничтожили. Но не потому что они умели говорить и звали меня на другую планету, а потому что они просто были.

Я понял, что, чтобы папа не зашёл, можно запереть дверь. И почему я раньше до этого не додумался? Я встал с кровати, подошёл к двери и повернул замок до щелчка. Снизу всё ещё доносились крики.

– А ты не думал позвонить в полицию? – спросил у меня Плюшик, сидящий на кровати

– У меня даже телефона нет. – ответил я полным печали голосом.

– А... Ну да... Надеюсь, скоро эти крики прекратятся.

– Я тоже.

– И я. – вставил Электроник. – Залезай к нам.

Сейчас нам почему-то было не о чем говорить. Мы просто лежали и смотрели в потолок. Хотя один вопрос я всё же задал. Поинтересовался, когда мы наконец улетим на другую планету. Плюшик ответил:

– Скоро...

И всё.

Через некоторое время я услышал громкие стуки в дверь. Они распространялись по стенам, и у меня слегка тряслась кровать. А за дверью голоса:

– Открой! Я сказал, открой!!! И не притворяйся, что не слышишь, мелкий ты...

– Не надо, пожалуйста... Ты ломаешь двери!

А я лежал и пытался уснуть. Странно, но в итоге у меня получилось.

Ненадолго.

Сначала я даже не понял, открыты ли у меня вообще глаза, потому что я находился в полной темноте. Раньше в мою комнату падал лунный свет, но сейчас, как мне кажется, в ней даже нет окон.

Мне надо было в туалет. Я наворачивал круги по комнате, от стены до стены, и все мои попытки найти дверь были безуспешными. Я подошёл к кровати и попытался нащупать на ней Плюшика и Электроника. Но их там не было! Теперь я один. Даже ночью – один.

И вдруг... голос. Откуда-то я услышал голос, но не мог понять, откуда. Будто он был везде. Я понял, что он принадлежал Плюшику, и спросил, куда пропал он и Электроник.

– Неважно, – получил я в ответ.

– Мне... Мне надо выйти! – сказал я в пустоту. – Где-то здесь была дверь! Но я не могу её найти.

– Ты уверен, что тебе нужна... дверь? Я не думаю, что тебе нужна такая дверь.

– Давай!

– Ну ладно. Получи.

На стене прямо передо мной выросли две красные линии, соединились и образовали прямоугольник. Это была дверь. А за ней я услышал крики – явно мамины. Но на этот раз гораздо более пронзительные, чем обычно. Я засомневался, стоит ли мне туда идти или нет, но в итоге пошёл.

Открыв дверь, я увидел, что нахожусь каком-то непонятном месте. Всюду горит огонь и валяются человеческие черепа, а вдалеке лился тёмно-красный водопад.

Я пошёл на крики и, пройдя немалое расстояние, увидел свою маму. Она была в клетке! А напротив неё на троне сидел человекоподобный боров с огромным пузом и короной на голове, хрюкал и пил обратное зелье в бутылках. Эти бутылки ему подавал волшебник с бородой до колен и длинным колпаком. Наверное, всё же злой. А так не хотелось в это верить...

Я подбежал к клетке. А боров всё пил и пил.

– Сын! – вскрикнула моя мама. – Не подходи...

– Но я хочу тебя спасти!

– Не надо!

Мама скорчилась и закричала.

– Что с тобой происходит!? – спросил я дрожащим голосом. Слёзы катились по моим щекам.

Она не ответила. Не смогла ответить из-за боли. Я отошёл в сторону. Посмотрел на борова, всё так же не прекращающего пить. И понял... С каждой выпитой бутылкой маме становится всё хуже и хуже. Я заметил, что она поседела ещё сильнее.

Я подобрал камень, чтобы кинуть его в борова. Мама уговаривала меня этого не делать, но я не слушал. Камень прилетел борову в пяточек, и он завыл от боли. Потом увидел меня. Вскочил с трона и побежал с такой скоростью, с какой не может бегать совершенно ни один боров.

Он схватил меня за шею рукой (человеческой, хотя ноги у него были как у свиньи), поднял и начал бить по лицу с неведомой силой.

Больно. Почти так же, как и в тот самый день. Я не мог ответить. Мама,

отталкиваясь от прутьев клетки, кричала, чтобы он прекратил. Но это было бессмысленно.

От борова исходил странный запах. Горький и кислый одновременно. Я пытался не дышать. Да уже и не мог. Брошенный на землю, я с большим трудом раскрыл глаза и увидел перед собой тяжело дышащего папу, всего в крови, и маму. Плачущую. Но уже не от боли.

– ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ!?

– Я... я...

Папа так ничего и не сказал.

Я закрыл глаза. А когда открыл, очутился в каком-то странном помещении. Мне казалось, что оно было бесконечным. После каждого звука, издаваемого мной, раздавалось эхо.

Встав, я увидел перед собой Плюшика, Электроника, Кряка, Ленивую Бороду и Морковку.

Я обнял их.

– Ну и что было за той дверью? – поинтересовался Плюшик.

– Наверное, моя жизнь, – тихо ответил я.

И они сказали, что скоро прилетит космический корабль, на котором мы отправимся на другую планету.

Лейнвебер Артем, 9Б

